

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ОТ КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА К АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Постановка проблемы. Распространение искусственного интеллекта и автоматизированных систем принятия решений актуализирует вопрос о том, является ли «цифровое государство» новым историческим типом государства либо обозначает технологически изменившийся способ осуществления публичной власти. Историческая ретроспектива — от рационально-легальной бюрократии и кибернетики до советского проекта ОГАС — показывает преемственность стремления государства превратить социальную реальность в данные, обратные связи и управленческие алгоритмы. Цель исследования — выявить историко-теоретические закономерности алгоритмизации публичной власти и сформулировать правовые пределы использования алгоритмов при принятии юридически значимых решений. Методы исследования: диалектический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-функциональный методы, а также правовое моделирование. Результаты. Обосновано, что алгоритмическая публичная власть представляет собой не самостоятельный тип государства, а особый технологический режим реализации его функций. Предложена модель «конституционно управляемого алгоритма», включающая законность цели, прослеживаемость данных, объяснимость, оспоримость, содержательный человеческий контроль и неустранимую ответственность публичного субъекта. Сформулирован вывод о недопустимости подмены нормативно выраженного усмотрения скрытой программной дискреционностью.

Ключевые слова: алгоритмическая публичная власть, цифровое государство, теория государства, история государства и права, ОГАС, искусственный интеллект, алгоритмическое управление, цифровой суверенитет, объяснимость, право на обжалование.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker in the Field of Education of the Russian Federation,
Laureate of the Russian Federation Government Prize in Education,
Professor in the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure
at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor in the Department of Private Law at the State University of Management

FROM THE CYBERNETIC STATE TO ALGORITHMIC PUBLIC POWER: HISTORICAL AND THEORETICAL PATTERNS AND LIMITS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. Problem statement. The spread of artificial intelligence and automated decision-making systems raises the question whether the 'digital state' is a new historical type of state or merely a technologically transformed mode of exercising public power. A historical review — from rational-legal bureaucracy and cybernetics to the Soviet OGAS project — reveals continuity in the state's effort to translate social reality into data, feedback loops and governing algorithms. Purpose. The article identifies the historical and theoretical patterns of algorithmisation of public power and formulates legal limits for the use of algorithms in legally

significant decisions. Methods. Dialectical, historical-legal, formal-legal, comparative-legal and system-functional methods, as well as legal modelling, are used. Results. Algorithmic public power is substantiated not as an independent type of state but as a special technological regime for performing state functions. The author proposes a 'constitutionally governed algorithm' model comprising legality of purpose, data traceability, explainability, contestability, meaningful human control and the non-delegable responsibility of the public authority. Normatively defined discretion must not be replaced by hidden software discretion.

Key words: algorithmic public power, digital state, theory of the state, history of state and law, OGAS, artificial intelligence, algorithmic governance, digital sovereignty, explainability, right to appeal.

Постановка проблемы. В XX в. публичная власть последовательно осваивала статистику, массовый учет, средства связи и вычислительную технику. В XXI в. количественное изменение перешло в качественное: цифровая система уже не только хранит сведения и передает волю должностного лица, но ранжирует граждан, прогнозирует риски, рекомендует либо фактически предопределяет юридически значимый результат. Возникает новая конфигурация власти, в которой правило поведения содержится одновременно в тексте нормативного акта, модели данных и программном коде. Поэтому спор о «цифровом государстве» нельзя сводить к перечню электронных услуг. Он затрагивает классические категории источника власти, государственного усмотрения, легитимности, ответственности и прав человека. Российская доктрина предлагает рассматривать цифровое государство и как теорию технологической модернизации, и как исторический этап развития государства [16, с. 32–41]. Вместе с тем государство остается организацией публичной власти людей, а не машин [18, с. 47–52]. Данное противоречие требует историко-теоретического разрешения.

Историческая логика: от бюрократического правила к кибернетической обратной связи. Рационально-легальная бюрократия М. Вебера строилась на компетенции, иерархии, письменном документе и применении общего правила к индивидуальному случаю [7]. Ее сила заключалась в предсказуемости, а риск — в превращении формальной рациональности в самодовлеющий механизм. Кибернетика Н. Винера добавила к этой модели идею управления посредством информации и обратной связи [8]. Управляемый объект описывается набором измеримых состояний; отклонение от цели фиксируется и запускает корректирующее воздействие. Тем самым нормативная команда дополняется непрерывным контуром наблюдения. Для государства это означало возможность перехода от периодического учета к управлению, основанному на постоянно обновляемых данных.

Советский проект Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС) стал наиболее масштабной отечественной попыткой институционализировать эту логику. В. М. Глушков связывал сеть вычислительных центров, экономико-математические модели и распределенную обработку

данных в единую архитектуру планирования [9]. Историческое значение ОГАС состоит не в том, что проект якобы предвосхитил современный Интернет, а в постановке государственно-теоретической задачи: может ли вычислительная инфраструктура стать частью механизма государства. Исследования истории советской кибернетики показывают, что техническая осуществимость не устраняла ведомственную конкуренцию, различие интересов и политическую природу управленческого выбора [10]. Алгоритм не отменял аппарат; аппарат боролся за право определять данные, цели и доступ к сети.

Из этой истории следует первая закономерность: всякая автоматизация публичной власти является одновременно перераспределением компетенции. В бумажной бюрократии усмотрение сосредоточено у должностного лица; при информационной системе оно перемещается к разработчику требований, владельцу набора данных, поставщику программного решения и оператору модели. Еще в начале цифровизации государственного управления был зафиксирован переход от «уличной бюрократии» к «системной бюрократии», при котором индивидуальное усмотрение фронт-офиса сокращается, но возрастает невидимая дискреция проектировщика системы [11, р. 174–184]. Следовательно, алгоритмизация не устраняет субъективность, а переносит ее во времени — на стадию проектирования — и делает менее заметной для адресата решения.

Алгоритмическая публичная власть как теоретико-правовая категория. В современной литературе алгоритмическое управление понимается как использование вычислительных процедур для организации, направления и ограничения поведения [12; 13]. Для юриспруденции этого определения недостаточно: рекомендации навигатора и автоматизированное назначение социальной выплаты обладают различной властной природой. Алгоритмической публичной властью следует считать такой технологически опосредованный режим осуществления государственных и муниципальных функций, при котором сбор и классификация данных, прогнозирование, подготовка или принятие юридически значимого решения выполняются по программно закреплённой модели, а результат обеспечивается авторитетом и принуждением публичного субъекта. Определяющим признаком выступает не сложность искусственного интеллекта, а включенность алгоритма в юридический состав властного решения.

Предложенное понятие позволяет отделить цифровизацию формы от алгоритмизации содержания. Электронное заявление воспроизводит прежнюю процедуру в иной коммуникационной среде. Алгоритмическая система меняет внутреннюю механику решения: устанавливает показатели, веса, пороги, исключения, формирует профиль риска. Современные исследования справедливо указывают, что цифровое государство выходит за рамки электронного правительства и затрагивает саму организацию публичного администрирования [17, с. 76–85]. Алгоритмизация права, в свою очередь, ведет к параллельному существованию текстуального и машиночитаемого выражения правил и способна придать праву свойства закрытости и предвзятости [19, с. 9–12].

Однако данные изменения не дают основания объявлять возникновение нового исторического типа государства. Типология государства выражает устойчивую связь публичной власти с социально-экономическим строем, источником легитимности, положением личности и принципами организации общества. Цифровые технологии совместимы с демократическими и авторитарными режимами, рыночной и плановой экономикой, централизацией и федерализмом. Один и тот же класс моделей способен расширять доступ к публичным услугам либо создавать инфраструктуру тотального контроля. Поэтому «цифровое государство» корректнее определять как стадию и технологический модус развития современного государства, а алгоритмическую публичную власть — как способ реализации его функций. Такой вывод препятствует технологическому детерминизму: политико-правовая сущность государства не выводится из применяемой вычислительной техники.

Вторая закономерность состоит в нормативной двойственности алгоритма. Формально источником обязательного решения остается нормативный правовой акт или акт правоприменения. Фактически доступ гражданина к праву определяется программной реализацией: набором обязательных полей, классификатором, качеством данных и пороговым значением. Если код расходится с текстом нормы, возникает «теневое правило», которое действует массово, но не прошло процедуру правотворчества и не опубликовано. В этом проявляется угроза законности: ошибка перестает быть единичной и масштабируется на всю совокупность адресатов. Именно поэтому эффективность алгоритмической системы не равнозначна ее легитимности [13]. Легитимность требует процедурной справедливости, возможности понять основание решения и добиться его пересмотра.

Программный код при этом не следует автоматически признавать самостоятельным источником права. Его юридическое значение производно: код конкретизирует технологию исполнения нормы, но не вправе изменять ее смысл, вводить

дополнительные условия или исключать предусмотренное законом усмотрение. Иной подход разрушил бы единство формы права и порядка его легитимации. Вместе с тем сведение кода к нейтральному техническому средству также ошибочно, поскольку архитектура системы способна непосредственно определять объем реализуемого права. Отсюда вытекает обязанность государства обеспечивать юридическую верификацию программной реализации до ввода системы в эксплуатацию и после каждого существенного обновления. Предметом такой проверки должны быть не только точность вычислений, но и соответствие модели целям закона, равенство адресатов, полнота исключений, сохранение дискреции в предусмотренных случаях и воспроизводимость результата. Для массовых властных решений необходим реестр версий алгоритма: без него суд не сможет установить, какое фактическое правило действовало в момент принятия оспариваемого акта [12; 19].

Конституционные пределы и модель управляемого алгоритма. Конституция Российской Федерации исходит из приоритета прав и свобод человека, непосредственного действия этих прав и судебной защиты [1]. Данные положения сохраняют силу независимо от того, кем подготовлено решение — должностным лицом или программной системой. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта после изменений 2024 г. связывает внедрение ИИ с защитой прав, безопасностью и технологическим суверенитетом [2]. Экспериментальные правовые режимы позволяют апробировать цифровые инновации, но одновременно закрепляют информирование затрагиваемых лиц, рассмотрение жалоб и возможность обжалования [3]. Таким образом, российское регулирование уже содержит отдельные элементы процедурной защиты, хотя общая модель алгоритмического административного решения пока фрагментарна.

Сравнительно-правовое развитие подтверждает переход от общих этических деклараций к юридически проверяемым обязанностям. Рекомендация ЮНЕСКО 2021 г. закрепляет человеческое достоинство, справедливость, прозрачность, ответственность и человеческий надзор [6]. Рамочная конвенция Совета Европы 2024 г. связывает жизненный цикл систем ИИ с правами человека, демократией и верховенством права [5]. Регламент ЕС 2024/1689 применяет риск-ориентированную модель, предусматривая для систем высокого риска требования к управлению данными, документации, журналированию, прозрачности и человеческому надзору [4]. Для российской правовой системы важен не механический перенос этих конструкций, а выделение универсального ядра гарантий.

Предлагается закрепить модель «конституционно управляемого алгоритма», основанную на шести взаимосвязанных требованиях. Первое

— законность цели: автоматизация допустима лишь в пределах прямо определенной публичной функции. Второе — прослеживаемость данных: должны быть установлены происхождение, актуальность, репрезентативность и порядок исправления данных. Третье — юридически значимая объяснимость: лицу сообщаются не технические детали модели, а факты, критерии и нормативные основания, повлиявшие на результат. Четвертое — оспоримость: обращение к человеку не может быть фиктивным повторением машинного вывода. Пятое — содержательный человеческий контроль, предполагающий компетенцию, время и полномочие изменить рекомендацию. Шестое — неустраняемая ответственность публичного субъекта: закупка или аренда алгоритма у частного разработчика не переносит на него конституционную ответственность государства. Алгоритмическая подотчетность должна охватывать всю организацию, а не сводиться к раскрытию исходного кода [14].

Особое значение имеет право на мотивированное несогласие с машинным результатом. Одного «объяснения» недостаточно, если гражданин не способен указать на ошибочные данные, представить контекст и получить новое решение. Исследования легитимности алгоритмического принятия решений показывают, что непрозрачность, предвзятость, отсутствие участия и разрыв ответственности образуют самостоятельные угрозы доверию к публичной власти [15]. Поэтому процессуальная конструкция должна включать уведомление об использовании алгоритмической системы; доступ к значимым данным и критериям; приостановление неблагоприятного автоматизированного акта в предусмотренных законом случаях; пересмотр уполномоченным должностным лицом; внешний аудит и судебный контроль. Коммерческая тайна и техническая сложность не могут полностью блокировать проверку властного решения.

Третья закономерность связана с цифровым суверенитетом. В индустриальном государстве суверенная компетенция обеспечивалась территорией, аппаратом и монополией легитимного принуждения. В алгоритмическом режиме к ним добавляется способность государства самостоятельно определять критическую архитектуру данных и моделей, проверять ее и поддерживать непрерывность функционирования. Однако цифровой суверенитет нельзя отождествлять с закрытостью. Внутренняя непрозрачность системы для граждан ослабляет государственный суверенитет, поскольку фактическая власть смещается к неподотчетному оператору или поставщику технологии. Суверенной является не система, скрытая от общества, а система, в отношении которой публичная власть сохраняет реальный контроль и несет проверяемую ответственность [20, с. 56–77].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, алгоритмизация публичной власти продолжает длительную историческую линию рационализации управления — от письменного бюрократического правила к кибернетической обратной связи и управлению на основе данных. Во-вторых, опыт ОГАС показывает, что вычислительная сеть не устраняет политико-правовую природу управления: цели, показатели и доступ к информации остаются предметом властного выбора. В-третьих, цифровизация не создает самостоятельного исторического типа государства; она формирует технологический модус реализации его функций. В-четвертых, алгоритм перераспределяет усмотрение от правоприменителя к проектировщику системы и порождает риск скрытого программного нормотворчества. В-пятых, надлежащей теоретико-правовой рамкой выступает модель конституционно управляемого алгоритма, обеспечивающая законность, прослеживаемость данных, объяснимость, оспоримость, содержательный человеческий контроль и ответственность публичного субъекта. Будущее государства определяется не степенью вытеснения человека из управления, а способностью права подчинить вычислительную эффективность достоинству личности, публичной подотчетности и справедливой процедуре.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.07.2026).
- [2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (дата обращения: 17.07.2026).
- [3] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 26 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.
- [4] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 17.07.2026).
- [5] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). //

Vilnius, 5 September 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=225> (accessed: 17.07.2026).

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, adopted by the General Conference of UNESCO on 23 November 2021. // Paris: UNESCO, 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed: 17.07.2026).

[7] Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.

[8] Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 344 с.

[9] Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 160 с.

[10] Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 369 p.

[11] Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology Is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62. No. 2. P. 174–184.

[12] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 505–523.

[13] Danaher J., Hogan M. J., Noone C. et al. Algorithmic Governance: Developing a Research Agenda through the Power of Collective Intelligence // Big Data & Society. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1–21.

[14] Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // Public Administration Review. 2021. Vol. 81. No. 5. P. 825–836.

[15] Grimmelikhuijsen S., Meijer A. Legitimacy of Algorithmic Decision-Making: Six Threats and the Need for a Calibrated Institutional Response // Perspectives on Public Management and Governance. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 232–242.

[16] Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 32–41.

[17] Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2. С. 76–85.

[18] Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 5 (133). С. 47–52.

[19] Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2022. 23 с.

[20] Писаревский Е. Л. Тенденции развития государства и права в условиях цифровой среды // Хозяйство и право. 2023. № 12. С. 56–77.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: July 17, 2026).

[2] On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700; Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (accessed: 17.07.2026).

[3] On experimental legal regimes in the field of digital and technological innovations in the Russian Federation: Federal Law of 31 July 2020 No. 258-FZ (as amended on 26 June 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.

[4] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 07.17.2026).

[5] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). // Vilnius, 5 September 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=225> (accessed: 07.17.2026).

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, adopted by the General Conference of UNESCO on 23 November 2021. // Paris: UNESCO, 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed: 17.07.2026).

[7] Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Vol. 1: Sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 445 p.

[8] Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 344 p.

[9] Glushkov V. M. Macroeconomic Models and Principles of Constructing OGAS. M.: Statistics, 1975. 160 p.

[10] Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 369 p.

[11] Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology Is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62. No. 2. P. 174–184.

[12] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018.

Vol. 12.No. 4. P. 505–523.

[13] Danaher J., Hogan M. J., Noone C. et al. Algorithmic Governance: Developing a Research Agenda through the Power of Collective Intelligence // *Big Data & Society*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1–21.

[14] Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // *Public Administration Review*. 2021. Vol. 81. No. 5. P. 825–836.

[15] Grimmelikhuijsen S., Meijer A. Legitimacy of Algorithmic Decision-Making: Six Threats and the Need for a Calibrated Institutional Response // *Perspectives on Public Management and Governance*. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 232–242.

[16] Arzamasov Yu. G., Arzamasov V. Yu. Digital

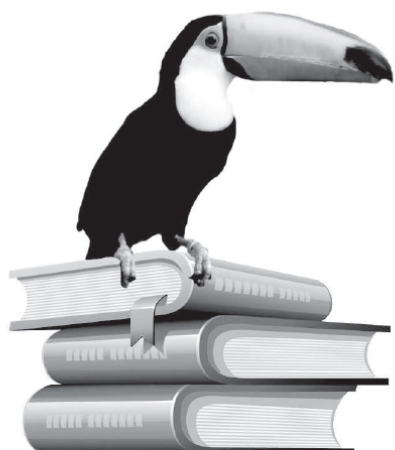
State: Concept, Main Areas of Activity // *Bulletin of the Humanitarian University*. 2023. No. 4 (43). Pp. 32–41.

[17] Romanovskaya, O. V. Legal Foundations of the Digital State // *Science. Society. State*. 2024. Vol. 12. No. 2. Pp. 76–85.

[18] Ponkin, I. V. The Concept of the Digital State: Concept, Nature, Structure, and Ontology // *Public Service*. 2021. Vol. 23. No. 5 (133). Pp. 47–52.

[19] Poryvaeva, N. F. Algorithmization of Law: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01. Moscow, 2022. 23 p.

[20] Pisarevsky, E. L. Trends in the Development of the State and Law in the Digital Environment // *Business and Law*. 2023. No. 12. P. 56–77.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.